

АЗБУКА
БЕСТСЕЛІЕР

КНИГИ
ТОНИНО БЕНАКВИСТЫ

Охота на зайца
Комедия неудачников

Сага

Малавита

Малавита-2

Наша тайная слава

Романеска

Тонино
Бенаквиста
РОМАНЕСКА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 46

Tonino Benaquista
ROMANESQUE
Copyright © Editions GALLIMARD, 2016

Перевод с французского Серафимы Васильевой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Серийное оформление Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-13355-6

© С. Васильева, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

В былые времена эти влюбленные, пробродив всю ночь, бросали прощальный взгляд на еще дремлющий мир, словно были за него в ответе. Все в природе казалось им на своем месте. Фауна чувствовала себя как дома. Заря могла заниматься.

Сегодня же они наблюдают за наступлением темноты сквозь шторы, их тревожат окружающие звуки. Им нет никакого дела до состояния мира и до того, что с ним будет дальше, только собственное будущее заботит их.

Тогда они покидают постель, отваживаясь сделать несколько шагов по коридору мотеля. Один из них устраивается под навесом крыльца, другой — рядом с автоматом с ледяными кубиками, потому что сидеть рядом было бы для них слишком рискованно. Время от времени они совершают по очереди вылазки в город — Бейкерсфилд, Калифорния, — чтобы купить чего-нибудь поесть. Опасаясь, что их узнают, они пугаются каждого встречного взгляда и возвращаются в мотель без сил. С приходом ночи они борются с желанием нырнуть в наконец-то опустевший бассейн. Пока один спит, другой просматривает новости на телевизионных каналах. Вчера в шестичасовых новостях владелец французского ресторана «Мсье Пьер» отозвался о них как об идеальных работниках — не слишком общительных, однако не способных на насилие.

Сегодня ни свидетелей, ни антропометрических снимков, предоставленных французскими спецслужбами, ни отчетов о ходе следствия нет. Правда, радоваться тут нечему, если новости быстро устаревают, то закон и его служители никогда не ослабят хватку, у них есть сила, упорство, они всегда готовы привлечь любые средства. Как можно надеяться ускользнуть от них за рулем этой колымаги, которой скоро снова предстоит отправиться в путь, правда не по той дороге, по которой прежде было задумано двинуться.

Их путь лежит теперь только в одном направлении — к изумрудно-зеленому домику под красной крышей, стоящему на берегу реки Святого Лаврентия, в провинции Квебек, в самом устье, там, куда летом заплывают киты. Если беглецам удастся добраться до него, тогда они вновь заживут прежней жизнью, будут греться у открытого огня, брать воду из реки. А когда все вокруг покроется льдом, они впадут в спячку, свернувшись калачиком, как два медведя, и будут ждать пробуждения весны.

*

Они мчатся по белым песчаным равнинам, проезжают сквозь пальмовые коридоры и электрические бульвары Лас-Вегаса, минуют желтые горные массивы, следуют вдоль облупившихся отелей и металлических лабиринтов Денвера. В Чикаго, на скоростной трассе, огибающей озеро Мичиган, их «форд-капри», давно уже нуждавшийся в воде и отдыхе, отказывает. Они толкают его до въезда в какой-то парк.

Устроившись на скамейке, они просматривают социальные сети на случай, если там будет что-то о них, проклиная эту эпоху с ее передовыми технологиями. Завидев поблизости прохожего, они тут

же перестают говорить по-французски. Озерная тишина усыпляет их, и они по очереди дремлют. Его внимание привлекает диковинная птица, опустившаяся на камень, — нечто среднее между лысухой и красношейной поганкой. Она же разглядывает не вовремя созревшие ягоды бузины, с трудом удерживаясь, чтобы не начать собирать их. И тут кто-то из них замечает вдали гигантскую афишу, установленную высоко-высоко, на крыше небоскреба. Сегодня в городе идет пьеса одного английского классика, «Супруги поневоле» — последний спектакль триумфального турне. На фотографии исполнители двух главных ролей в исторических костюмах — муж и жена в лохмотьях.

Беглецы с успехом убеждают друг друга не поддаваться искушению. Теперь, после того как они проделали такой путь — от самой Калифорнии, это было бы чистым безумием. Сейчас они ушли далеко вперед, стали невидимыми. Если двигаться и дальше в таком темпе, меньше чем через пятнадцать часов они будут в Канаде. Совершить такую глупость, находясь почти у цели, — об этом не может быть и речи.

В кассе Театра Чикаго аншлаг: мест нет ни в партере, ни на балконе, остается только ложа над авансценой, из самых дорогих, — места для важных персон. Они подсчитывают последние гроши. Нет, это совершенно неразумно. Но разве разум может устоять перед такой афишей: простолюдин и простолюдинка — бедно одетые, слабые, сияющие счастьем — сжимают друг друга в объятиях.

В конце концов, граница никуда не денется, перейти ее они успеют, снег не растает до весны, да и киты подождут, не станут заплывать в реку Святого Лаврентия, пока они не приедут. Пару часов с бегством можно и повременить.

*

В программке дается краткое описание пьесы Чарльза Найта, написанной в 1721 году в Лондоне. Сюжет заимствован из легенды, основанной на реальных фактах: «В Средние века во Франции двое влюбленных оборванцев, не желающих подчиняться законам общины, вынуждены противостоять и деревенским старейшинам, и священникам, и даже самому королю. Что же их ждет — Рай или Ад?»

Сцена залита ярким светом, зрители сидят в полутьме. Реальность колеблется, постепенно склоняясь к другим, сказочным временам, где все возможно, все достоверно, даже самые странные вещи, — именно странные, иначе зачем они сюда пришли? — реальная жизнь подождет, притаившись за дверью, ей нет хода в зал, ей не добраться до зрителей. Мы в лесу, десять веков назад. Вот появляется женщина: корсаж, длинная юбка, сандалии, чепец, корзинка, она наслаждается ласковым солнцем. За ней на сцену выходит мужчина в рубашке и жилете со шнуровкой, в коричневых штанах-кюлотях, с силками в руках и с подвешенным к поясу зайцем. Через мгновение их взгляды встретятся, они увидят друг друга.

Из своей ложи ровень со сценой двое французов вкушают эту неотвратимость, молят Бога, чтобы этот миг не кончался. Еще немного, и они вслух начнут предостерегать двух простаков на сцене: «Вы подожжете Небо и Землю!» Но это ни к чему: никакие кары, никакие проклятия не заставят их сожалеть об этом мгновении. Неотвратимое свершилось, и теперь лучшее, что можно сделать, это крикнуть им то, чего не сделал тогда ни один просвещенный ум: «Спасайтесь! Бегите вместе, но толь-

РОМАНЕСКА

ко прямо сейчас, не ждите ничего от цивилизации, бегите как можно быстрее, или она настигнет вас, где вы ни были!»

Актеры изображают беспечность, готовясь начать любовный поединок. Но в реальной жизни этим деревенщинам было холодно и страшно. Их одежда была в лохмотьях, а грязный свет того осеннего утра предвещал худшую из зим.

В ту пору их страной правил немощный человек.

Людовика Добродетельного точила хворь, названия которой никто не знал, но все ее боялись, а потому называли «эта болезнь», после чего осеняли себя крестным знаменем. Ибо смерть уже частично овладела телом этого бедняги, телом, потерявшим свою божественную сущность, ставшим телом простого смертного — зловонной плотью с перекрученными нервами, — которое не могли согреть ни драгоценные меха, ни даже прижимавшиеся к нему другие тела. Лекари были бессильны и, стоя у изголовья короля, которому страдания придавали свирепости, больше боялись за собственную жизнь. Каждое утро они удостоверились, что моча у него желтая, а не красная, а кровь — красная, а не коричневая, а затем отваживались выдать диагноз, и был этот диагноз столь невразумителен, что сам недуг казался на его фоне вполне приемлемым. Оби-няком они ссылались на церковников, всегда готовых поведать о чудесах, описанных в Священном Писании, дабы оправдать свое высокое служение, но те, оказавшись перед умирающим королем, полагались лишь на волю Всевышнего. Разум его угасал, и, некогда Добродетельный, он превратился в Безумного, ибо безумие было единственным земным выходом для его ужасных страданий. Случалось, что он карал любого здорового человека, осмелившегося показаться ему на глаза, или предлагал ка-

кому-нибудь мужлану потомственное дворянство в обмен на его крепкое здоровье. Он отказывался понимать, как могут его министры, освободившись от обязанности сострадать, возвращаться к своему очагу, ужинать в семейном кругу, а затем спокойно отходить ко сну. Как может народ заниматься обыденными делами, когда ему надлежит бежать в церковь и молиться, молиться о выздоровлении своего государя. Как дофин, его сын, может проявлять нетерпение и даже присаживаться на трон и примерять корону. Выходит, что все пребывающие в добром здравии — чудовища? И стоит королю впасть в агонию, как миллион его подданных тут же вырядятся в поистине королевское равнодушие?

Заболев, Людовик Добродетельный узнал, сколь простодушны короли, думающие, будто их любят или даже боятся, ибо народом прежде всего правят два тирана, от которых не убежишь, поскольку они живут в сердце и нутре у каждого, и имя им голод и страх.

Голод и страх, страх и голод — они вечно состязаются в силе своей власти над человеком, но могут действовать и заодно, передавая друг другу эстафету, ибо, стоит человеку утолить голод, как страх раскаленным углем начинает жечь ему нутро, и единственное, что может смирить этот жар, это иной огонь — огонь голода, который, возвращаясь, вытесняет все другие чувства.

В ту пору в том краю народ днями напролет бился, пытаясь побороть целую вереницу страхов. Едва проснувшись, люди боялись покидать постель из-за холода, который тут же начинал нещадно кусать их, словно наказывая за худобу и скудость одежды. Поднявшись, они начинали пересчитывать детей, опасаясь, что один из них умер ночью, что никого не удивило бы, столько для этой смерти было

поводов. Проглотив скудный завтрак, они отправлялись на работу, боясь, как бы их поля не побилло заморозками, или их не потравили какие-нибудь дикие животные, или не потоптали проезжие всадники. Орудя серпом, они дрожали от страха при мысли, что урожая не хватит ни на пропитание, ни на уплату подати, становившейся все непосильнее, но которую никто даже не пытался оспаривать из страха оказаться в темнице. В полуденный час они опасались, как бы не случилось войны, которая усугубит нужду и насилие, не ведая при этом, что за враг и почему вторгся на их землю, потому что войны сменяли одна другую по причинам, о которых простым людям не следовало и знать, достаточно было набата, возвещающего новый ужас на долгие годы. К вечеру просыпались сотни болячек, придуманных только для того, чтобы помешать крестьянину завершить свой труд: колотье в спине, бурав в голове, разлитие желчи; они молили Небеса, чтобы ни одна из них не задержалась надолго и не обернулась болезнью. Вернувшись к домашнему очагу, они опасались, не было ли ими допущено какого-нибудь невольного кощунства, когда, к примеру, они сетовали на Господа за тяжесть креста, который Тот возложил на них, и, дабы избежать адского пламени, признавались в своей нечестивости священнику, который накладывал на них соразмерное наказание. В сумерки, перед тем как лечь спать, они делили с близкими похлебку; и тогда усталость, так пугавшая их в поле, становилась для них единственной надеждой на забвение.

Даже когда возникала надобность создать семью, люди — мужчины и женщины — поддавались искушению и пытались таким образом заговорить свои страхи. Совсем юную девушку родители могли вы-

ставить из дома, чтобы избавиться от лишнего рта. И если ей не случилось встретиться с Богом, избежав благочестивой жизни вдали от мира, то она принималась за поиски мужа, дабы оградить себя от печальной участи, уготованной одинокой женщиной, предоставленной самой себе, — поруганной солдатами-наемниками, обрюхаченной каким-нибудь бродягой, закабаленной ворьем, нещадно эксплуатируемой злыми хозяевами. Этому ниспосланному Небесами мужу она клялась в верности и повиновении, грела ему постель, утоляла его чувственный голод, и это было единственное дарованное им наслаждение, правда омраченное риском подцепить сифилис. Одержимые идеей размножения, каких бы жертв это ни стоило (на двух жизнеспособных младенцев тогда приходился один мертворожденный), они просили Небо даровать им столько потомства, сколько позволено будет природой. Каждого нового члена семья принимала не как дар свыше, но как рабочую скотину, которая вскоре будет приносить больше хлеба, чем было истрачено на нее.

*

Как-то раз один человек отправился в город, чтобы продать там добытую им дичь, и по пути встретил женщину, забредшую в лес в поисках ягод. Они ничем не отличались от других, ни манерой держаться, ни званием, ни воспитанностью. Не было в них заметно ни тщеславия, ни желания похвалиться каким-либо особым талантом, и ничто не предвещало, что им предстоит такое приключение. В сказках судьба любит возвещать о себе барабанной дробью, поражать слух звоном литавр, но в то утро ничего подобного не предшествовало встрече

этого мужчины и этой женщины, мысли которых были заняты самыми прозаическими заботами: почему ему удастся продать этих двух попавших в силки зайцев? Отыщет ли она то местечко, богатое черной смородиной и голубикой, до которых так охочи обитатели замка? Но вдруг издали они замечают друг друга, и ноги у них подкашиваются, и кровь стынет в жилах. Помрачение не продлилось и минуты, но этого времени хватило, чтобы они успели порвать с прежней жизнью, ибо никогда больше не представится им подобного случая, чтобы сбросить с себя груз духовных оков.

Одиночество.

Еще мгновение назад ты навязывало мне свою унылую компанию. Нечего и думать ускользнуть от тебя, говорило мне ты. И будь вокруг меня десяток братьев и сотня детей, ты до последнего дня по пятам следовало бы за мной. Отныне ты само будешь одиноким.

Время.

Ты, что гнетешь меня с первого моего дня, ты, каждый отпущенный мне тобой же миг напоминающее, насколько я смертен. Знай, что отныне я буду медлить, когда ты начнешь торопить меня, и не стану больше терять ни часа, ожидая тебя, когда мне самому будет невтерпеж. С этого дня у меня будет так много времени, сколько у тебя никогда не будет.

Рок.

Всю свою жизнь я видел, как ты подстерегаешь меня в переулке за углом, я представлял себе твое торжество, когда меня одолевал недуг, опасался твоего удара при встрече с каждым вооруженным человеком. Сегодня я знаю, что ты — это всего

лишь болтовня. Иди же, преследуй несчастных, которые еще верят в тебя, их немало.

Я.

Еще вчера я не знал, как мешает мне этот маленький жилец, притаившийся в глубине моего существа и считавший себя центром вселенной. Отныне он не нужен мне, чтобы помнить, что я существую.

Будущее.

Чтобы узнать, из чего будет соткано будущее, мне требовался целый день. Глупая осмотрительность! Важно лишь ближайшее мгновение, ибо завтра еще не существует.

Они не чувствовали больше ни голода, ни страха.

Их история могла начинаться.

*

В деревне с населением в три сотни душ мужчине принадлежал каменный домик под соломенной крышей с трубой и навесом, вмещавшим столько дров, сколько нужно, чтобы зимой продержаться в течение целого месяца. Они укрылись там так, что никто даже не подозревал об этом, на время, которое беспрестанно продлевали.

Соседи даже стали беспокоиться по поводу столь долгого отсутствия зверолова, которого в деревне уважали за умение расставлять ловушки на волков и лис, наносивших урон скоту, распространявших болезни и представлявших опасность для детей. Решили, что он умер во сне или был убит сеньором, недовольным вторжением на его земли. Для очистки совести один из селян постучался в его дверь и услышал оттуда стон, не столько предсмертный,

сколько сладострастный. Зверолов был, вне всякого сомнения, жив и к тому же пребывал в приятной компании, а потому лучше было оставить его в покое и позавидовать тому прекрасному дню, который ему предстояло прожить.

Назавтра ему всё еще завидовали, но на следующий день — уже меньше, потому что такая скрытность возбуждала любопытство. Кто там у него? Может, куртизанка? Может, недюжинного таланта? А может, целых две куртизанки и обе недюжинного таланта? Если только там вообще женщина...

На какое-то время влюбленные покинули свое гнездышко, чтобы проверить силки и набрать винных ягод. Их заметил мальчишка и тут же рассказал об этом своей матери, которая рассказала соседке, которая рассказала мужу, после чего молва разнеслась по всей округе: если зверолов нашел себе женщину, то кто же она такая, коли он так прячет ее от чужих глаз?

И снова началось брожение умов — прекрасное развлечение для тех, кто гнет спину на тяжелой работе. Благородная дама — шлюха в душе? Ангел с повадками грешницы? Какая-нибудь экзотическая штучка буйного нрава? Или немолодая уродина, при этом весьма искусная в известных делах? Монашка-вероотступница? Неопытная, а потому ненасытная девчонка? Чертовка из публичных? Каждый выдвигал свою гипотезу, и ни одна из них не повторялась.

Чтобы покончить со всеми этими догадками, мужчина представил землякам свою подружку, девушку как девушку, не бродяжку какую, но и не богачку в шелках и бархате, а честную сборщицу ягод, у которой всего и секретов-то было — места, особо богатые редкими травами, о которых она никому не рассказывала.

Соседи решили, что тут дело ясное: как только любовный голод будет утолен, как только побледнеет очарование первой встречи, любовники, как и все, окажутся во власти превратностей обычной жизни. Родится у них первенец, и перестанут они ворковать, покинут свое убежище и заживут по правилам человеческого общества и под его защитой.

*

Однако выходили они из дома все реже и реже. Селяне, которым всем до одного было известно, что такое голод, дивились невероятной воздержанности этой парочки, которой лишения будто придавали сил. К тому же могут ли люди вообще жить вот так, словно заключенные, — без вины, без приговора, без тюремщиков, принуждающих их отбывать наказание? И как им удастся не подчиняться закону природы, согласно которому всякая деятельность, даже самая приятная, вроде любовных утех, бесед, прогулок, если предаваться ей с чрезмерностью, неизбежно порождает скуку?

Умы кипели от такого количества домыслов и предположений, и эта работа приносила положительные результаты. Воображение, пребывавшее по причине бедственного положения селян в спячке, стало так обильно плодоносить, рождая плоды как сладкие, так и горькие, что в деревушке и мужчины, и женщины предали тайной жизни, полной фантазмагорий, неутоленных желаний и грандиозных планов. Возможно, в этих бреднях и закладывались основы будущей легенды. Как пробел, нуждающийся в восполнении, как необходимость познать темную сторону самих себя, как коллективное желание ответить иносказаниями на встающие вопросы, дать тревоге выход через прекрасное. Перед отходом ко сну их навязчивые идеи деликатного

свойства превращались в сновидения, и они наконец проникали в дом влюбленных, где те хранили свои тайны: сидящих на цепочках эльфов и фавнов, плененных сказочных птиц в клетках, чертиков и гномиков, козу, доившуюся хмельным медом, полки, уставленные банками с чудодейственными травами, необходимыми для приготовления эликсиров молодости, мазей для вечной красоты и прочих колдовских снадобий.

В этот-то самый час влюбленные и решались выйти на свет божий. В лесу, принадлежавшем им одним, они вели себя так, словно были последними жителями Земли, предаваясь делам гораздо более безобидным, чем те, что наполняли мечты односельчан, и в то же время невысказанным для тех, кто посвятил себя звероловству и сбору даров леса. Словно они ночью хотели искупить то, чем занимались днем. Он, с такой ловкостью умевший ставить ловушки на дичь, вел счет редким видам животных и пытался по-своему охранять их. Он учил свою возлюбленную отличать лесную сову от болотной, распознавать следы косули и не путать их со следами лани. Иногда ему случалось отпустить из собственной ловушки слишком молодого зверька, как того кабанчика, которого они стали выхаживать. Его подруга, для которой было одинаково приятно собирать ягоды и не делать этого, пригласила своего возлюбленного на спектакль, который можно увидеть лишь раз в году, когда расцветает «лунный цветок», белый, с остроконечными листьями и красным пестиком, и столь недолговечный, что он увядает с рассветом. Иногда она и сама сажала что-нибудь вроде того семечка размером с орех, привезенного ей одной товаркой, воротившейся с юга, из которого должна была вырасти пальма с огром-

ными резными листьями. Влюбленных забавляла мысль, что лет через сто все будут удивляться, каким образом среди дубов выросло это странное дерево.

Напоенные светом темноты, они возвращались в свое убежище в тот самый час, когда люди расставались со своими бурными снами, чтобы встретить зарю с ее вечным приговором.

*

По воскресеньям, в церкви, селяне пребывали в недоумении, от которого им не удавалось избавиться в течение всего богослужения. Они приходили туда по привычке и из страха перед грехом, но мысли уводили их далеко от этого святого места, как будто переполнявшее их рвение относилось отныне не к литургии, а к чему-то иному, и им надо было следовать совершенно новым, никем еще не сформулированным заповедям. Над этим часом, осененным во все времена ореолом священного благоговения, нависла теперь тень сомнения.

Для очистки совести прихожане призвали из соседнего городка кюре, который редко выезжал куда-либо, разве что на соборование умирающих. Когда ему приходилось это делать, он пользовался случаем, чтобы пожурить маловеров, избегавших его церковь, поскольку, обладая крепкой памятью, он с первого взгляда узнавал своих верных прихожан и тут же подсчитывал остальных. За время нелегкого путешествия через лес он приготовил немало проклятий, достаточно сильных, чтобы произвести на паству должное впечатление: он знал, что его ждут, ибо ввиду исключительности обстоятельств день был объявлен нерабочим.

Стоя перед дверью влюбленных, аббат прислушался, но ничего подозрительного не услышал,

и эта тишина встревожила его больше всего. Улови он малейший шорох, он тут же возопил бы о блуде, самый тихий шепот заставил бы его заподозрить заговор, а в первом услышанном смешке он распознал бы дьявольское присутствие. Но как иначе расценить эту тишину, если не как самое настоящее оскорбление? Вся деревня пребывает в крайнем возбуждении, служитель Церкви проделал долгий путь через лес, а эти бесстыжие... спят?

Выйдя на порог, влюбленные обнаружили человека в сутане, возбужденно проповедовавшего импровизированной пастве. Речь в проповеди шла о смертных грехах и об опасностях, поджидающих тех, кто им предается, а также о любви к ближнему, о взаимопомощи, о необходимости делиться и о прочих ценностях, определяемых законами, первой из которых для столь развязной парочки должно стать таинство брака. Лишь принеся соответствующие обеты, любовники смогут разделить ложе на законных основаниях, осознав наконец присущие человеческому существу права и обязанности.

Они заверили аббата, что не имели ни малейшего намерения посягать на столь величественное установление, благодаря которому соединили свои судьбы их родители и родители родителей. Если помолвка и взаимные обеты счастья столь необходимы, такой обряд следует совершать во что бы то ни стало.

Но сами они не испытывают в этом ни малейшей нужды.

Сказать, что кюре был удручен, — значит ничего не сказать. Он был не столько обижен, сколько опечален. Если ему и случалось, как всем служителям веры, сомневаться в некоторых из раздаваемых им благословений и в том значении, которое

им придавали, то в этом таинстве он никогда не сомневался. Каждый раз, когда перед его алтарем воссоединялась новая пара, он испытывал глубокое чувство гармонии и завершенности, это была единственная служба, которая легко ему давалась. И вот сегодня эти неблагодарные, которым выпала такая удача — возможность освятить свои отношения, смеют оспаривать священные узы? Нет, это безобразие явно затянулось, их согласие никому не нужно, надо срочно действовать. Если они не хотят подвергнуться наказанию, о котором еще долго будут жалеть, они должны подчиниться... до наступления ночи.

Услышав такой ультиматум, влюбленные решили не ввязываться в битву, которая заведомо будет проиграна. Опасаясь, что их никогда больше не оставят в покое, они объявили аббату, что готовы следовать за ним.

Раздались радостные возгласы. День не пропал даром: будет свадьба, и вся деревня примет в ней участие. Сразу составилась праздничный поезд: для женщин с младенцами — конные повозки, для стариков — ослики; к поясам подвесили фляги для вина, женщины украсили себя бусами и надели нарядные косынки, и веселый кортеж во главе с аббатом и сужеными пустился в путь. На смену серьезности пришла радость, заблудшая парочка повиновалась, и, чтобы уж окончательно их убедить, разве это всеобщее ликование не было лучшим доказательством обоснованности законного брака? Бедняки, батраки, крестьяне, торговцы и несколько именитых горожан, шедшие сейчас через лес, желали своими ушами услышать обеты, которые некогда произносили и сами: долгий путь стал для этих людей поводом предаться добрым воспоминаниям

Бенаквиста Т.

Б 46 Романеска / Тонино Бенаквиста ; пер. с фр. С. Васильевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 256 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-13355-6

Героев двое — он и она — проклятые любовники, нежные влюбленные, готовые платить за чувство жизнью, и ни одна жертва не кажется им чрезмерной. Через века, страны и континенты бредут эти гонимые Богом и людьми современные Паоло и Франческа. О них складывают стихи и баллады, бродячие актеры разыгрывают их приключения. Их путь навстречу друг другу пролегает через тропические джунгли, пустыню, болота, бескрайний океан. Дворец тысячи и одной ночи сменяется лечебницей для душевнобольных, полицейский участок идиллическим домиком в канадских горах.

Впервые на русском языке «Романеска» — новая книга Тонино Бенаквисты, яркого представителя современной французской литературы. Однако это совершенно непривычный Бенаквиста: кроме приключенческой фабулы, лихо закрученных сюжетных ходов, здесь есть легенда, сказание, притча. Удивительным образом авантюрный роман окрашивается изысканной любовной лирикой, разноликие мотивы эпох и жанров образуют завораживающую мозаику.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ТОНИНО БЕНАКВИСТА
РОМАНЕСКА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.11.2017.
Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-21507-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/